

УДК 94(47).04

Э.Л. Дубман*

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ЮЖНОГО СРЕДНЕВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XVI – XVII ВВ.**

В статье рассмотрены состав, службы, занятия основных категорий военизированного населения Южного Средневожья в конце XVI – XVII вв. Показаны особенности их военной службы, расселения и наделения земельными угодьями.

Ключевые слова: военные люди, дворяне, дети боярские, стрельцы, казаки, служилые татары, мордва и чувашаи; военная служба, колонизация, расселение.

На начальном этапе включения в общероссийскую систему отношений, Южное Средневожье являлось окраинной территорией, зоной фронта с кочевыми народами степи и казачьей вольницей. Необходимо было защитить регион от постоянных нападений, предотвратить острые социальные и межэтнические конфликты, сопровождавшие период его интенсивной колонизации в середине – второй половине XVII в. Для решения этих задач правительство строило города и засечные линии, переводило и испомещало в пограничье крупные контингенты военизированного населения [1–2]. Именно такое население стало основой для формирования значительной части местного социума. Государство, вплоть до последних десятилетий XVII в., делало все возможное для сохранения боеспособности местных служилых людей, защищало их мелко- и среднепоместное землевладение от конкуренции со стороны крупных привилегированных феодалов. Только в конце 1680-х гг., когда военная угроза ослабла, в регионе перестали действовать нормы законодательства о «заказных городах» [3, с. 19–25].

История складывания разнообразных категорий служилых людей; формирования из них групп помещиков, однодворцев и т. д.; взаимоотношений между ними в условиях интенсивных миграционных потоков, колонизации и перераспределения новых земель крайне сложна и неоднозначна. Положение усугубляется отсутствием репрезентативных источников, слабой изученностью данных процессов в отечественной историографии для территорий Южного Средневожья [4, с. 180].

Задачей данной работы является рассмотрение положения основных групп местного военизированного населения Южного Средневожья: «служилого города» – дворян и детей боярских, приборных людей – стрельцов и казаков, служилых людей из коренных народов Среднего Поволжья. Вне поля зрения, вследствие формата статьи, остаются такие важные категории ратных людей, как иноземцы, в том числе смоленская и полоцкая шляхта; солдаты и рейтары, солдаты выборного полка А.А. Шепелева и ряд других более мелких групп. Реформы военных сил Московского государства второй половины XVII в. и прежде всего последних лет правления Федора Алексееви-

* © Дубман Э.Л., 2013

Дубман Эдуард Лейбович (dubmane@mail.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 ««Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

ча также затронули европейский юго-восток, но не столь существенно, как западные и южные пограничные районы страны [5, с. 62–72].

Дворяне и дети боярские составляли привилегированную часть военных гарнизонов Южного Средневолжья. Именно из них к началу XVIII в. складывается региональное дворянство, владельцы поместий и вотчин; они дают начало местным дворянским династиям [6]. В уездных центрах Московского государства середины XVI–первой половины XVII вв. приписанные к ним служилые люди по отчеству образовывали так называемый «служилый город» [7, с. 178–197]. В современной исторической науке под данным понятием понимается «Корпоративная организация дворян и детей боярских одного уезда, связанных общностью верстания, землевладения, службы и самоуправления» [8, с. 5]. Однако, во второй половине XVII в., когда начинается массовая колонизация изучаемого региона, происходит распад связей объединяющих «служилый город» в единое целое. Он как социальная организация фактически перестает существовать. В связи с этим мы не совсем согласны с позицией Э.И. Амерхановой, рассматривавшей «служилый город» Казани во второй половине XVII в. как стабильную систему [9].

Формирование «служилых городов» Южного Средневолжья начинается с гарнизонов первых его крепостей (по официальной терминологии того времени – *вгородов*), основанных во второй половине 1580-х гг. В Самаре и Саратове вплоть до последних десятилетий XVII в. дворяне и дети боярские составляли немногочисленные, достаточно устойчивые категории населения. Перераспределение их между понизовыми городами, прослеживается весьма слабо. По сводным данным второй половины 1620-х – начала 1680-х гг. (за более ранний период сведения отсутствуют), эта группа оставалась стабильной, практически неизменной по численности, и составляла 18–20 служилых людей в каждом из городов [10; 11, с. 118; 12, с. 25; 13, с. 64].

Сложно говорить о том, насколько малочисленные «служилые города» Самары и Саратова были едины в отношении самоуправления. Каких-либо данных, свидетельствующих о выборных людях и сословных дворянских учреждениях, не выявлено. К тому же местных детей боярских в действительности не объединяла общность землевладения, так как Саратовский уезд в рассматриваемый период так и не сложился, а в Самарском первые дворянские поместья на Самарской Луке появились только в 1640-х гг.

Переведенных в Саратов и Самару дворян и детей боярских вписывали в окладные книги и десятины как «саратовцев» и «самарян». Известны случаи, когда указанные по другим городам служилые люди по отчеству, просили записать их по Саратову. А.А. Гераклитов сообщает «...в 1661 году по собственному желанию записывается сюда иноземец Валенский. В 1660 году уфимцы – Приклонский и Онучин просили о выдаче им денежного жалованья по Саратову» [14, с. 232]. Из них постепенно складывались местные дворянские династии. Например, в источниках по Самаре постоянно встречаются Алампеевы, Филитовы, Порецкие, Могутовы и другие.

Самаряне и саратовцы жили прежде всего на государево денежное и «хлебное» жалованье, которого явно было недостаточно. В Самаре первые сведения о появлении поместий служилых людей по отчеству на территории Самарской Луки относятся к началу 1640-х гг. В 1643 г. М. Филитов получил 30 чет. («а в дву потому ж») земли в прибрежной части Ширяевского оврага и поселил там д. Ширяев Буерак [15, ф. 396, оп. 2, ч. 5, д. 3609, л. 198–198 об.]. В 1644 г. сыну боярскому В. Порецкому в межгорных долинах на севере и юге Луки дали землю в поместье (100 четв. и сенные покосы), где он основал д. Моркваша и Осиновый Буерак [16, ф. 38, оп. 1, д. 67, л. 99]. Это были единичные случаи, и только в конце XVII – начале XVIII в. наблю-

дается повышенная активность самарских дворян и детей боярских, стремившихся заменить причитавшееся им хлебное и денежное жалованье поместной дачей.

Основой для благополучия местного дворянства и их семей являлись военная служба и поручения местной администрации. Как пишет А.А. Герасимов: «...особый интерес (у самарских дворян. — Э.Д.) приобретали такие местные службы, с которыми были связаны доходы. Около таких невидных должностей, как сотничество у конных или у пеших стрельцов, создавалась самая яростная конкуренция... О конкуренции свидетельствует то обстоятельство, что служба в сотниках продолжалась очень недолго: 3–4 года — и всегда находился более счастливый соперник, который путем хлопот в московских приказах перехватывал ее для себя» [17, с. 199–200].

Действительно, сотничество являлось выгодной должностью для служилых людей по отечеству. Среди самарских сотников постоянно мелькают одни и те же фамилии местных детей боярских: Хомутских, Тимановых, Могутовых и других. Так, в 1646 г. в Самаре служили сотниками дети боярские: Семен Тимофеев, Федор Раздеришин, Степан Корчемкин и Семен Олонисев [16, ф. 38, оп. 1, д. 67, л. 214]. Должность сотника, прежде всего у конных стрельцов, являлась прибыльной и почетной; об ее исполнении просили, подавали челобитные. Сотники, как правило, жалованье получали деньгами и хлебом и только, начиная с 1640-х гг. в отдельных случаях служили с поместных дач [16, ф. 38, оп. 1, д. 66, л. 77, 78, 82, 97, 130, 132, 134; д. 67, л. 128, 214, 215, 257, 268]. До «головства», то есть руководства приказом стрельцов, самаряне, как правило, недотягивали.

Местные дворяне и дети боярские также конкурировали за места начальников застав, окружавших пограничные города; назначение приказчиками в дворцовые владения, прочие городские и уездные службы. Характерно, что они, в отличие от пригородных людей, практически не занимались торговой и промысловой деятельностью. По крайней мере, источники о таких случаях не упоминают. И все же какой-то интерес к промысловым городским водам у них был. Так, в челобитной от всех горожан с просьбой приписать к Самаре промысловые воды говорилось: «...городовых дворян и детей боярских и всяких чинов людей».

Только строительство засечных линий и образование Симбирского уезда создало условия для формирования достаточно многочисленной группы «симбирян». «Служилый город» Симбирска складывался в основном из дворян и детей боярских Нижегородского и Казанского Поволжья, переселенных для службы на новую Симбирскую черту. Остальных переводили в край позднее, и сравнительно небольшая часть сама подавала челобитные с просьбой записать их в Симбирск на службу. Переписчики 1678 г. показали в уезде более 200 помещиков-«симбирян» [18, с. 57–115]. Их испомещению, проходившему одновременно со строительством Симбирска и Симбирской черты (по данным строельной книги, 160 человек, у П.Л. Мартынова, видимо, ошибка — 165 чел. [19, с. 97–101; 6. Приложение 2, с. 8]), способствовало складывание многочисленного «служилого города». В отличие от детей боярских Саратова и Самары, они сразу же получали земельные наделы. Свободные земли в окрестностях Симбирска были быстро разобраны, и «симбиряне» испомещались, как правило, «от засечных крепостей не в ближних местах», что доставляло значительные неудобства. Нередко новые помещики объединялись в группы по 4–6 человек, отыскивали себе за валом «порозжие земли» и просили симбирских воевод отвести их им [1, с. 213, 217].

Судя по записям в строельной книге, размеры земельных окладов симбирян колебались от 350 до 150 четв. К различным земельным окладам полагалось и соответствующее денежное жалованье: 350 четв. соотносилось с 12 руб., 300 четв. с 10 руб., 250 четв. с 8 руб., 200 четв. с 7 и 6 руб. и, наконец, 150 четв. с 6 руб.

Те, кому полагались оклады в 350 и 300 четв., получали в земельную дачу 60 четв.; соответственно с 250 четв. отмежевывали 50; с 200 и 150 четв. — 40 четв. («а в дву потому ж») [19, с. 83–84, 95–96]. Это правило в ходе самого испомещения действовало с некоторыми исключениями. Так, были 2 случая, когда в дачу давали по 70 четв., и дважды по 30 четв. [19, с. 54, 59, 67]

Видимо, эти нормы испомещения и распределения жалованья действовали и в более позднее время.

Поместья симбирян располагались по большей части в междуречье Барыша и Волги. С середины 1660-х гг. они переходят «за вал», на Крымскую сторону. В 1680-х — 1690-х гг. зона поместного землевладения доходит до широты Сызрани и Кашпира и спускается южнее [20, с. 66–67]. За исключением сравнительно локального района центральной части Самарской Луки, это был основной район распространения дворянского землевладения. Все остальные территории Симбирского уезда в междуречье Барыша и Суры, Казанского и Симбирского уездов в Заволжье были заселены другими категориями переселенцев и имели лишь небольшое количество помещичьих владений. Основной контингент помещиков Симбирского уезда составляли «симбиряне», а Самарского уезда — «самаряне». Казанцы, арзамасцы, курмышане, алаторцы и другие дети боярские являлись редким исключением в тесных рядах местных помещиков.

Как правило, «симбиряне» относились к мелким землевладельцам. В среднем на каждого из них, по данным переписной книги 1678 г., приходилось немногим более 4,5 двора крестьян, задворных людей и бобылей [18, с. 57–115]. Если учесть определенное неравенство, наличие более состоятельного слоя из нескольких десятков симбирян, на долю подавляющего большинства остальных приходилось и того меньше — по 2 — 3 двора. Отсюда видно, что эти местные служилые люди по отечеству были способны нести только городовую осадную службу.

Владея поместьями с крестьянами на территории уезда, служилые люди по отечеству проживали своими дворами только в Симбирске. По Симбирску не обнаруживается, как по другим городам Южного Средневожья, никаких свидетельств наличия сословной самоорганизации, выборного самоуправления у этой группы людей.

В Закамье помещиками были прежде всего казанские дети боярские. Гарнизоны вновь построенных Сызрани, Кашпира, Петровска и других пригородов состояли из солдат, которые частично набирались из мелкопоместных детей боярских. Но в данном случае при определении в солдаты происходила утрата статуса.

Последние десятилетия XVII — начало XVIII в. были временем, когда в положении и составе провинциальных служилых людей по отечеству происходили серьезные изменения. Но коренные реформы служилого сословия еще не коснулись юго-восточных окраин европейской части России. Об этом например, для области понизовых городов свидетельствует ситуация со служилыми людьми в Астрахани с прилегающей к ней округой [21, с. 36–82].

Резкие изменения в составе и численности дворян и детей боярских в это время можно наблюдать по Самаре. В городе резко, до 52 чел. увеличивается число служилых людей по отечеству. Они, судя по переписи 1702 г., делились по 3 статьям: на выборных, дворовых и городских.

— «По выбору» — 9 человек (земельные владения в Самарском, Симбирском, Алатырском и других уездах);

— «по дворовому» списку — 3 (земельные владения в Самарском и Алатырском уездах).

Последняя, наиболее многочисленная подгруппа подразделялась, в свою очередь, на «городовых поместных» и «городовых беспоместных»:

– «городовые поместные» – 14 чел., имевшие поместья в Самарском, Алатырском, Симбирском и др. уездах;

– «городовые беспоместные» с земельным окладом от 500 четвертей и денежным жалованьем от 27 руб. и до 7 руб. – всего 26 человек [15, ф. 1209, оп. 4, д. 5128. 1702 г., л. 608–609 об., 611 об.].

Имеющиеся источники позволяют проследить, насколько были устойчивы и преемственны «династии» провинциальных служилых людей в конце XVII в. Только 38,5 % из них представляли как минимум второе поколение самарян. Остальные 61,5 % были приписаны к городу в последней четверти XVII в., что свидетельствует о значительных ротациях этой категории городского населения. Причем по всем 3-м статьям эти изменения происходили по разному:

- у выборных соответственно 33,3 и 66,7 %;
- у дворовых – 66,7 и 33,3 %;
- у городских поместных – 14,3 и 85,7 %;
- у городских беспоместных – 50 и 50 %.

Следует отметить, что численность последней подгруппы составляла половину от всего состава «служилого города» (26 от 52). Вполне очевидно, что резкое увеличение самарского «служилого города» в основном происходило отнюдь не за счет естественного прироста внутри него.

Служилые люди по прибору (стрельцы и казаки). Эта категория в Московском государстве включала в себя самые различные группы военизированного населения – стрельцов, казаков, пушкарей, затинщиков, воротников и т. д. Наиболее многочисленными и значимыми для провинциальных гарнизонов являлись стрельцы и казаки.

Особенности комплектования этих групп, их положение, хозяйственные занятия и даже способ жизни существенно отличались на отдельных локальных территориях Южного Средневожья.

В «старых» городах, к которым относились Самара и Саратов, основу местных гарнизонов составляли пешие и конные стрельцы; бывшие исключительно горожанами и жившие на денежное и хлебное жалованье. Часть из них активно участвовала в хозяйственной жизни города и уезда – торговле, ремесленных занятиях, промыслах. Видимо, жалованье по Саратову и Самаре в разные периоды истории различалось. Так, осенью 1662 г. «для хлебные и всякие дорогови» было приказано учинить самарским стрельцам годовые оклады «против саратовских конных и пеших стрельцов: конным по шти рублев, пешим по четыре рубли человеку» [17, с. 206].

В районах массового расселения под защитой Корсунской, Симбирской и Закамской линий приборные люди размещались в слободах при городах, пригородах и острогах. Еще чаще такие слободы возникали автономно, в сельской местности. Стрельцы и казаки получали земельные наделы для испомещения, что не препятствовало им заниматься активной промысловой и торговой деятельностью. По численности среди этой категории служилого населения, существенно преобладали конные казаки. В конце XVII в. после взятия Азова, значительную часть стрельцов и казаков отправили для поселения в Азов и Таганрог, а также в новые города европейского юго-востока – Петровск, Камышин и другие. Однако на «старых», уже освоенных территориях сохранились крупные контингенты этого военизированного населения.

Стрельцы, переведенные в Самару и Саратов при их основании, вплоть до начала XVIII в. оставались основной, наиболее значительной силой гарнизонов этих городов. В целом численность стрельцов в каждом из них была примерно равной. Но в Саратов, при экстренных ситуациях, нередко посылали из «верховых городов», в том числе и Самары, дополнительные контингенты воинских сил для «годования»

[14, с. 216, 231]. Основной ударной силой, наиболее обеспеченной государевым жалованьем, являлись конные стрельцы. В XVII в. после Смуты их численность составляла в городском гарнизоне сотню всадников и оставалась стабильной все последующие годы. Конные стрельцы использовались для многодневных «посылок» в степь. Они сопровождали торговые и посольские караваны, производили дальние разведки для наблюдения за передвижениями кочевников и погони за ними, служили на заставах вокруг города. Их наличие и боеготовность являлись показателем способности гарнизона крепости и ее властей контролировать ситуацию в окружающем регионе.

Большинство стрельцов все же были пешими. Их количество в первой трети XVII в. составляло в Саратове и Самаре около 250 человек, в последующие двадцатилетие выросло до 300, каковым и осталось впоследствии [10, т. 1, стб. 1141–1358; т. 2, стб. 287–922; 12, с. 25; 16, ф. 38, д. 66, л. 105, 108, 130]. Данные по Самаре за отдельные годы второй половины XVII в. (1651, 1686, 1687, 1698, 1702 гг.) свидетельствуют о том, что в городе находились четыре стрелецкие пешие сотни, что позволило сформировать в конце 1640-х – начале 1650-х гг. из местных стрельцов приказ во главе с головой (приказ – войсковое соединение, объединяющее 500 стрельцов). Хотя известия о наличии стрелецких голов в Саратове и Самаре относятся к значительно более раннему периоду – началу 1620-х гг. [16, ф. 38, оп. 1, д. 67, л. 161; 22, с. 42].

Массовое расселение приборных людей, начатое в ходе строительства Корсунской, Симбирской и Закамской засечных линий, создало новую ситуацию внутри этой категории военизированного населения Южного Средневолжья. Их численность на территории региона многократно увеличилась, и не только за счет переводов из Казанского и Нижегородского Поволжья; но в значительной степени в результате набора гулящих людей, мобилизации дворцовых крестьян (из жителей Федоровской, Чалнинской и прочих дворцовых сел и волостей) и иных категорий тяглового населения. Произошло определенное «перераспределение», изменение удельного веса различных групп внутри этой категории. Например, стрельцы, преобладавшие в Саратове и Самаре, в Симбирском уезде и на закамских территориях Казанского уезда отошли на второй план, уступив свои лидирующие позиции конным казакам, а позднее и солдатам. По слободам и укрепленным пунктам черт несли службу прежде всего пешие стрельцы, а стрелецкую конницу заменили конные казаки.

Именно конные казаки являлись наиболее мобильной силой, способной защитить всю протяженную систему засечных линий. После завершения Разинщины конкуренцию им составили крупные контингенты солдат выборного полка А.А. Шепелева, расселенные в Предволжье, а затем и солдатские части, создаваемые в ходе реформирования русской армии в последние десятилетия XVII – начале XVIII вв. Например, новые города и пригороды этого периода: Сызрань, Кашпир, Петровский, Сергиевский и другие – заселили исключительно солдатами. К тому же во второй половине 1690-х гг. крупные контингенты казаков целыми слободами перевели на юг. Тем не менее и в начале нового XVIII столетия старые традиционные категории приборных людей сохранили свою значимость для гарнизонов региона.

Казаки, стрельцы, солдаты и близкие к ним группы военизированных жителей по-разному размещались на каждой из локальных территорий Южного Средневолжья. Но в целом, именно они являлись важнейшим актором расселения, социального и хозяйственного развития всего этого пространства.

Меняется сам способ их бытия. Приборные люди в основной своей массе становятся не городским, а сельским населением. Их испоместили землей и разместили по слободам, располагавшимся за засечными чертами, в глубине оборонительной системы; а также при пригородах и острогах. В гарнизонах по оборонительным линиям ведущее место занимали конные казаки. Для пограничных южных террито-

рий В.М. Важинский считает их все же преимущественно городским населением [23, с. 139–140]. В ходе расселения и хозяйственно-поземельной «самоорганизации» они приобретали облик сельских слободских общин. При межевании угодий таким общинам каждой семье выделяли место под двор, участок пахотной земли и сенные покосы. Все остальные угодья находились в общем пользовании.

Судя по строельной книге Симбирска и черты, при испомещении в ходе расселения, конные казаки получали следующие наделы: пятидесятники – 40 четв. («а в дву потомуж»). Далее при определении пахотного надела везде будет подразумеваться эта формула), десятники – 30, рядовые казаки – по 20 четв. [19, с. 20–23, 31]

Среди казаков, исходя из документов, существовало определенное деление на ряд подгрупп: белопашенных, станичных, дозорных, полковых и т. д.; но как это отражалось на их служебных обязанностях и размерах земельного надела, неизвестно?

Значительно меньшими были наделы у пеших стрельцов: пятидесятники – 10 четв., десятники – 9, рядовые казаки – по 8 четв. [19, с. 26–27, 31]

Такие же наделы получали казаки (и, видимо, стрельцы), испомещаемые по Закамской линии [1, с. 151]. Каждому из них также отводили «земли под двор, под огород и под гумно по 40 сажень длиннику, по 10 поперечнику» [1, с. 144].

Также по данным писцовой книги 1685–87 гг. были наделены землей казаки и стрельцы Корсунской части Симбирского уезда [15, ф. 1209, д. 441, л. 31об., 67, 91, 111об., 120]. Несколько большими здесь были наделы единственной стрелецкой слободы – по 11 четв. человеку [15, ф. 1209, д. 441, л. 47].

Таким образом, на всем пространстве Южного Средневолжья существенных различий в наделении землей стрельцов и казаков в течение всей второй половины XVII в. не наблюдалось. По размерам выделяемых им земель приборные люди региона практически не отличались от подобных категорий населения в южном пограничье [23, с. 141–142].

Выше уже говорилось, что приборные люди Южного Средневолжья являлись основной военной силой, призванной защищать прежде всего территории своих уездов или городов. Как правило, их «посылки» в течение длительного периода производились внутри региона понизовых городов, находившихся под властью приказа Казанского Дворца. При этом города и уезды Среднего Поволжья (в том числе Самара, Симбирск и его пригороды, Казань с пригородами) являлись своеобразными «донорами» для лежащих южнее городов и территорий (в том числе и Саратова). Значительные силы были перемещены на юг во время «донской посылки» начала 1660-х гг.; после взятия Азова в 1696 г., для обеспечения безопасности при строительстве Волго-донского канала. Достаточно серьезными походами были военные действия против И. Заруцкого и яицкого казачества в 1614 г., против калмыков в 1640-х гг. и башкир в первой половине 1660-х гг. Только в крайних случаях они принимали участие в войнах на западных или юго-западных границах России. К их числу можно отнести известный «Чигиринский поход» (Русско-турецкую войну 1677–1681 гг.), вошедший в послужной список многих приборных людей.

Военная служба для приборных людей в Самаре, Симбирске с уездом и в Заволжье являлась более безопасной, чем в Саратове или Царицыне. Об этом свидетельствуют данные о количестве посылок воинских людей, столкновениях с кочевниками и казаками. В отличие от гарнизонов более южных городов, самарцам и симбирянам лишь несколько раз пришлось участвовать в серьезных военных столкновениях. Но даже в конце XVII в., когда опасность нападений кочевников значительно уменьшилась, от приборных людей требовали постоянной дозорной службы [24, т. 5, с. 359].

Повседневная жизнь гарнизонов была наполнена более будничными занятиями. Сторожевая служба, предупреждение возможных нападений, являлись важнейшей заботой как местной администрации во главе с воеводой, так и немногочисленных гарнизонов. Например, в начале XVIII в. жители Печерской слободы так охарактеризовали свои службы: «...все высланы на службу и донныне служат, а которые де остались за старостью и те де непрестанно были в работе на Камышенке и в посылках и на караулах на Сызране и в подвотчиках» [15, ф. 1209, оп. 7, д. 159, л. 365 об.].

Стрельцы сопровождали как охрана, реже «в гребле», торговые и посольские караваны вниз и вверх по Волге до Астрахани и Казани. Конных стрельцов и детей боярских посылали для бережения послов и торговцев на сухопутных путях в Среднюю Азию, на Яик и т. д. Наиболее безопасным временем для таких посылок считался март, когда до схода снега можно было легче передвигаться по насту, а степь еще не заняли кочевники, зимовавшие рядом с Астраханью.

В пределах окрестностей городов приходилось дежурить по уметам и караулам на степных дорогах, по заставам, окружавшим города, ходить к дворцовым рыбным промыслам, в «серную посылку» и для «селитренного дела». Нередко приборных людей посылали в дворцовые волости (на Самарской Луке, Арбугинскую и Чалнинскую волости и т. д.). В самом начале Разинщины местных стрельцов и казаков отправляли для «проведования» вестей на Дон и в Астрахань. После подавления повстанческого движения из Самары по 50 стрельцов ежегодно направляли на «Перволоку» в самое узкое место Самарской Луки между р. Волгой и Усой [15, ф. 281, оп. 16, д. 10845, л. 6–7]. Таким образом, подступы к Саратову, Самаре, Симбирску с чертой и т. д. были достаточно надежно прикрыты караулами, заставами, небольшими острожками.

Трудно судить насколько исправно несли службу местные приборные люди. Сами они неоднократно жаловались на то, что оскудали, обеднели, повинности им в тягость, в дальние посылки ходить нечем. Совершенно плачевное положение самарского гарнизона в последние годы Смуты описал воевода Д.П. Лопата-Пожарский. Он сообщал, что город «оскудал», что семьи стрельцов только ждут теплого времени, чтобы идти просить подаяния. Еще в худшем состоянии были 205 саратовских стрельцов, пришедших в Самару после гибели своего города [25, с. 241]. Из уст же конкурентов воинских людей – посадских жителей, были слышны обвинения в другом, что, дескать, местные стрельцы от службы отлынивают, занимаются торгами и промыслами, богатеют. Трудно судить, насколько была права каждая из сторон. Действительно, среди стрельцов и казаков мы постоянно встречаем откупщиков рыбных промыслов, промышленников. В Самаре, по данным пятины 1634 г., значительная часть стрельцов торговала и занималась предпринимательством. Об этом же свидетельствует приходо-расходная книга по Симбирску с уездом [26, с. 10, 30–33]. По Саратову известно, что среди стрельцов в начале XVII в. были «камышники», промышлявшие охотой [14, с. 188].

Приборные люди, несомненно, являлись частью местного городского общества. Между ними и посадскими людьми не было непроходимой границы, нередкими являлись переходы из одной группы населения в другую. Они также имели дворы в городе, занимались повседневными хозяйственными делами, промыслами и торговлей. Нередко посадское и приборное население выступало вместе для защиты своих насущных интересов.

Набираемые из самых различных слоев общества стрельцы и казаки вели себя двойственно, далеко не всегда являясь устойчивой военной силой. Например, во время похода «царевича Петра» по Волге гарнизоны волжских городов поддержали самозванца. «И астраханские, и терские, и саратовские, и самарские стрельцы крест ему целовали. И поцеловав крест, они много дворян побили...» [27, с. 130]. Однако

когда летом 1608 г. вверх по Волге из Астрахани отправились к Москве еще три самозванца – царевичи Август-Иван, Осиновик и Лавр, под Саратовом они встретили ожесточенное сопротивление «...в Саратове воеводы и ратные люди отсиделися и на приступах и на вылазках астраханских воров многих побили, и вор, которого называли царевичем Иваном, от Саратова пошел с астраханскими людьми в Астрахань» [14, с. 195]. Однако саратовцы недолго сохраняли верность Василию Шуйскому. Уже в феврале 1609 г. их посланцы появились в лагере одного из полководцев Лжедмитрия II Я. Сапеги [28, с. 246].

Зачастую защитить город во время крупных социальных движений местные приборные люди не только не могли, но и не желали. Как правило, они в большинстве своем переходили на сторону повстанцев (как это произошло во время Разинщины), всегда были готовы к неповиновению. Наиболее явственно это недовольство проявлялось, когда доходили слухи о волнениях в Москве, других городах или территориях. Так, например, в 1648 г. самарские стрельцы, пушкари и ружники «скопом в съезжую избу приходили... невежливые слова говорили... учинились сильны и непослушны» [16, ф. 38, оп. 1, д. 67, л. 214].

Таковы были состав, положение и обязанности приборных людей Южного Средневолжья в конце XVI – XVII вв. Для рассматриваемого периода они являлись военизированным, служилым населением края. Не наблюдалось превращения их в «тяглецов», «слияния с податными сословиями», о чем пишет применительно к служилым людям Севского и Белгородского разрядов В.М. Важинский [23, с. 230].

Вопрос о роли и месте **служилых людей – представителей автохтонных коренных жителей Среднего Поволжья** среди других категорий военизированного населения рассматриваемого региона является одним из самых сложных и слабоизученных [29; 30, с. 16–37; 31, с. 52–55; 32, с. 130–132]. Сохранившиеся источники свидетельствуют о том, что их, как и русских, правительство переводило для службы по засечным чертам. Об особенностях такого перевода говорит, например, текст указа о переводе в 1648 г. 435 курмышских татар на Корсунскую линию: «И ныне указали есмя тех курмышских татар детей их и братью и племянников и соседей и захребетников взятии на нашу службу на Корсунь и во все города и остроги, которые устроены подле Корсунские засеки, на вечное житье для того, что они в нашу службу поспели, а живут у отцов своих и у родимцов и в соседях и в захребетниках, а никакия службы не служат; а для новья селидьбы пожаловали есмя тех новоприборных служилых людей, велели им дати нашего денежнаго жалованья по шти рублев да по пищали человеку, а на пашню земли велено им давать по пятнадцати и по двадцати четьи в поле, а в дву потому ж, смотря по людям и по пашне и велено тех новоприборных людей в Корсуне и по Корсунской засеке в городех и в острогах строить на вечное житье...» [33, с. 32–33]. Характерно, что у людей, полагаемых к переселению, был выбор. Они могли выбрать «полковую службу» вместе с другими курмышскими татарами [33, с. 24–25].

Расселение этой категории служилых людей и их численность отражены в стрелных, переписных и писцовых книгах, других источниках. Возможно, нередкими были случаи, когда служилые татары, чуваша и мордва сами являлись инициаторами такого переезда, как это было, например, при колонизации территорий между Сызранью и Пензой или западного Закамья. Но каждый раз они должны были получать разрешение на основание нового поселения и получение новых земельных угодий от уездной администрации. Нам кажется не совсем обоснованным мнение Р.Г. Насырова, писавшего, что в Закамье «...служилые татары заселяли регион не принудительно, а по собственному предусмотрению и желанию». При этом автор утверждает, что «между процессом их расселения в Закамском крае и военным фактором невозможно уловить какой-либо причинно-следственной связи» [34, с. 23].

Материалы строельной книги воеводы П.А. Измайлова для территорий, примыкающих к Симбирской черте, показывают сравнительно небольшое количество селений служилых татар – всего 6 (если учесть, что в одном случае поселенцы просили землю для 3 селений, то 8). Эти деревни значительно различались между собой по количеству дворовладельцев – от 20 до 100. Данные о количестве земли, отведенной каждому из них, отсутствуют; приводится только общее количество на все поселение. В ряде случаев размеры выделенных участков удивляют. Например, в 2 случаях группам переселенцев по 100 человек было выделено почти по 29 000 четвертей, еще в одном – новозаписным служилым татарам «Кабычке Кармышеву с товарищи» (их количество не указано, но, скорее всего, не превышало 100 человек) 20 000 четвертей. Еще в 2 случаях размер выделенной земли для каждой из групп переселенцев в 50 человек составлял немногим более 3000 четвертей для каждой. И наконец, двум переведенным группам служилой мордвы в 20 и 50 человек было отмежевано соответственно 1248 и 3000 четвертей. Эти данные не позволяют сколько-нибудь приблизительно определить средний надел земли, приходившейся на 1 двор. Очевидно, что при обилии свободных земель в начале 1650-х гг. в глубинных районах под защитой Симбирской черты могли выделяться и лишние земли, которые потом, как показывают документы, перераспределялись между другими группами переселенцев [19, с. 71–76].

Место и деятельность этой группы служилых людей в развитии Симбирского уезда отражают приходо-расходные книги 1665–1667 гг. Как акторы процессов, происходивших в это время в осваиваемом регионе, они играли явно второстепенную роль, но их присутствие, и прежде всего мурз и татар, вполне ощущается.

Отдельным группам служилых татар явно не хватало выделенной им земли, и они брали дополнительные участки в оброчное пользование (д. Бистюрлей, Дрозжанов куст, Аксакова и др.) [26, с. 45–46].

В приходных книгах отмечены сборы с 12 деревень служилых мурз и татар (не совсем ясно, какие сборы): д. Тюка (19 дв.) – 0,19 руб., Сорок Саадаков (40 дв.) – 0,4 руб., Бистюрлей враг (14 дв.) – 0,14 руб., Мочелей (23 дв.) – 0,23 руб., Чекал (26 дв.) – 0,26 руб., Новая Чокурская (22 дв.) – 0,22 руб. и еще с 9 дворов этой же деревни – 0,19 руб.; Шатришат (21 дв.) – 0,21 руб., да еще с 6 дворов этой же деревни 0,06 руб., Новая Чюкал (28 дв.) – 0,28 руб., Какирлей (28 дв.) – 0,28 руб., Бистюрлей Ошлей тож ((24 дв.) – 0,24 руб., Новая Четкас (30 дв.) – 0,3 руб., Айтугакова (25 дв.) – 0,25 руб. [26, с. 85]

Характерно, полное преобладание в этом перечне селений служилых татар, хотя известно, что в уезде было уже немало деревень служилой мордвы и чувашей.

Все эти люди жили и действовали в одном правовом пространстве вместе русским военизированным населением. Они несли военную службу, участвовали в стычках с кочевниками и башкирами, их направляли в «Донскую посылку», они попадали в плен и т. д. Так, например, в расходной книге имеются записи о выдаче денег служилой мордве «за полонное терпение». Каждому такому потерпевшему полагалось по 0,5 руб. [26, с. 214, 267] Им, наряду с русскими людьми, давались деньги для известной «донской посылки» «для их бедности на хлебную покупку» в дорогу по 0,5 руб. человеку [26, с. 267].

Строельная и приходо-расходная книги отражают ситуацию, которая складывалась в районе Симбирской засечной черты. Здесь, в междуречье Волги и Барыша, численно преобладало русское военизированное население; а из служилых людей автохтонных жителей Среднего Поволжья – татары.

В западной части Симбирского уезда, между Барышом и Сурой, по данным писцовой книги 1685–87 гг., располагалось 14 селений, из них в одном размещались

новокрещены (5 дворовладельцев), еще в одном татары (13 дворовладельцев), в двух чуваша (65 дворовладельцев) и в остальных десяти мордва (212 дворовладельцев) [15, ф. 1209, д. 441, л. 98, 125–144, 255]. Таким образом, на этих локальных, сильно залесенных территориях преобладало мордовское служилое население. Следует отметить незначительную численность новокрещен. Этот факт свидетельствует о том, что центральная и местная администрация при наборе в военную службу не слишком обращало внимание на конфессиональную принадлежность ратных людей и не прилагало серьезных усилий для их обращения в православие.

Среди основных групп служилых людей (стрельцов, казаков, солдат выборного полка) автохтонное служилое население занимало второе место, уступая только конным казакам (соответственно 295 и 365 чел.). Судя по данным писцового описания, истории начального формирования сети сельских поселений и землевладения, именно служилые мордва, чуваша и татары составляли основу гарнизонов Корсунской линии. Об этом же свидетельствуют данные сметы военных сил 1651 г.

Размеры земельных наделов этих ратных людей значительно превышали пашню для пеших стрельцов и были равными наделам конных казаков. Обычное количество земли на одного служилого человека, независимо от конфессиональной и этнической принадлежности, составляло 20 четв. («а в две потому ж»). Лишь в двух случаях мордовские мурзы д. Кулаевки и Беловодья получили по 25 четвертей на одного служилого человека. Однако при начальном заселении и обилии земель переселенцы получали большое количество «примерных» пахотных земель и угодий, которые затем, при появлении новых групп переселенцев, распределялись между ними. За редким исключением размеры селений этой группы служилого населения не превышали 20 дворов и только в 3 случаях доходили до 40–50 дворов.

Таковыми представляются состав, службы, занятия и землепользование основных категорий ратных людей Южного Средневожья. Практически до последних десятилетий XVII в. его пространство считалось окраинным, пограничным. Оно было насыщено крупными контингентами военизированного населения, защищавшего территорию региона и принимавшего активное участие в его колонизации.

Библиографический список

1. Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.
2. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.
3. Дубман Э.Л. Формирование сельского населения в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII – начале XVIII вв. // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990.
4. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.
5. Малинкин Е.М. Разрядная реформа конца 1670-х – начала 1680-х гг. и ее реализация в понизовых городах // Вестник СамГУ. Сер: Гуманитарная. 2012. № 8 (2).
6. Мартынов П.Л. Селения Симбирского уезда (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде). Симбирск, 1903.
7. Новосельский А.А. Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие. М., 1994.
8. Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000.

9. Амерханова Э.И. «Служилый город» Казань во второй половине XVII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1998.
10. Книги разрядные. Т. 1–2. СПб., 1853–1855.
11. Разрядная книга 1637–1638 года. М., 1983.
12. Сметный список военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первой половины XVIII в. М., 1989.
13. Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. (К истории государственных росписей XVII в.) / предисл. А.Н. Зерцалова // ЧОИДР. 1893. Кн. 4.
14. Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. Саратов, 1923.
15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
16. Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории РАН (НИА СПб ИИ РАН).
17. Гераклитов А.А. Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного приказа) // Классика самарского краеведения: антология. Вып. 2. Самара, 2006.
18. Опись городу Синбирску и его уезду в 1678 году (Переписные книги Приказа Казанского Дворца). Симбирск, 1902.
19. Книга строельная города Синбирска 161–162 гг. (1653–1654 г.). Симбирск, 1897.
20. Осипов В.А. Очерки по истории Саратовского края. Конец XVI и XVII вв. Саратов, 1976.
21. Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982.
22. Рабинович Я.Н. Воеводы левобережного Саратова (1616–1641). Саратов, 2013.
23. Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж, 1974.
24. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841–1842. Т. 1–5.
25. Труды Восточного отделения Императорского русского археологического общества. СПб., 1892. Т. XXI.
26. Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Симбирской приказной избы 1665–1667 гг.). Симбирск, 1897.
27. Корецкий В.И. Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова // История СССР. 1968. № 4.
28. Тюменцев О.И. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.
29. Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). Н.-Новгород, 2001.
30. Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006.
31. Амерханова Э.И. Служилые мурзы и татары в составе служилого города Казани во второй половине XVII – начале XVIII вв. // Татарские мурзы и дворяне: история и современность: сб. ст. Казань, 2010. Вып. 1.
32. Кадыров Р.В. Понятие «служилые татары» в Русском государстве XVI – начала XVIII вв.: теоретико-методологические вопросы // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. ст. Казань, 2010. Вып. 1.
33. Зерцалов А.Н. Материалы по истории Симбирского края XVII и XVIII вв. Симбирск, 1900.
34. Насыров Р.Г. Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2005.
35. Книга строельная города Синбирска 161–162 гг. (1653–1654 г.). Симбирск, 1897.

*E.L. Dubman**

**MILITARY MEN OF SOUTHERN MIDDLE VOLGA REGION AT THE END
OF XVI – XVII CENTURIES**

The article is dedicated to the stuff, services and studies of basic categories of military men of Southern Middle Volga Region at the end of XVI – XVII centuries. The features of military service, settling and giving land estates are demonstrated.

Key words: military men, nobles, boyar children, strelets, cossacks, military Tatars, Mordvins and Chuvash, military service, colonization, settling.

* *Dubman Eduard Leibovich* (dubmane@mail.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.